

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.12>

UDC 179:[101.1+101.3]

LBC 87.223.4

PHILOSOPHICAL PRACTICE IN THE HISTORICAL-CULTURAL AND EPISTEMOLOGICAL CONTEXT

Anna V. Yaroslavtseva

Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article offers a possible interpretation of the “philosophical practice” concept, examines the nature and closeness of the relationship between philosophy and philosophical practice, outlines the activities of the philosopher-practice in the light of this interpretation. Ethics has traditionally been considered as a practical part of philosophy. Since the inception of philosophy until the end of Early Modern Times, ethics is regarded as a top of philosophical knowledge. In addition to the well-established, common at this time period, understanding of ethics as part of philosophy, A. A. Huseynov proposed to consider “ethics” as the moral pathos of philosophy in toto. In this case, the whole philosophy acquires an ethical function (the subject of entire philosophy becomes, among other things, the human behavior determined by free will and the reality that this behavior establishes); it becomes possible to assert that ethics and philosophy are inseparable by the nature of philosophical knowledge and its practical part; to assume that the position of philosophical practice in modern philosophy structure may be similar to the position of ethics in classical philosophy as a top of philosophical knowledge, the ultimate goal of philosophical reasoning. It is argued that the project of philosophical practice, understood as a way of life and the actions of philosophers, explicitly returns philosophy to its origins, to the historical context in which philosophy, its practical applications and meanings arose. In the ancient world, philosophy was an ethical project, a spiritual practice close to religious, a way of being and a way of enhancement. Lack of knowledge, lack of moral guidelines, and the imperfection of existing social, cultural, scientific, economic, political practices prompted philosophers to reason. Philosophy which dealt only with itself, removed itself from solving “non-philosophical” problems, lost relevance. The same can be unhesitatingly said about medieval, Renaissance, modern philosophy. Modern philosophy has retained a native interest in what is happening in the world around it; shares the desire to influence human practices inherent in philosophy, science and religion; in some cases there is no alternative. This allows us to conclude that modernity, no less than antiquity, reveals to those who practice a philosophical way of life and action opportunities for the broadest application of philosophical knowledge in various areas of people’s practical life.

Key words: philosophical practice, history of philosophy, ethics, axiology, practical philosophy, the structure of philosophy, philosophizing.

Citation. Yaroslavtseva A.V. Philosophical Practice in the Historical-Cultural and Epistemological Context. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 109-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.12>

УДК 179:[101.1+101.3]

ББК 87.223.4

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Анна Владимировна Ярославцева

Новосибирский государственный медицинский университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается одна из возможных интерпретаций понятия «философская практика», рассматривается характер связи между философией и философской практикой, очерчивается круг деятельности философа-практика в свете данной интерпретации. К практической части философии традиционно относят этику. С момента зарождения философии до конца эпохи модерна этика считалась вершиной философского знания. Помимо устоявшегося, распространенного в указанный временной период, понимания этики как части философии А.А. Гусейнов предложил рассматривать моральный пафос философии в целом. В этом случае вся философия приобретает этическую функцию (предметом всей философии становится, в том числе, определяемое свободным выбором человеческое поведение и реальность, которая этим поведением учреждается); становится возможным утверждать, что этика и философия неразделимы по природе философского знания и его практической части; предполагать, что положение философской практики в структуре современной философии может быть сходным с положением этики как вершины философского знания, конечной цели философских рассуждений в классической философии. Утверждается, что проект философской практики, понимаемой как образ жизни и действия философов, в явной форме возвращает философию к истокам, к историческому контексту, в котором возникла философия и ее практические приложения и смыслы. В античном мире философия была этическим проектом, духовной практикой, близкой к религиозной, способом существования и путем развития; к размышлениям философов побуждал недостаток знаний, отсутствие нравственных ориентиров, несовершенство существующих социальных, культурных, научных, экономических, политических практик. Философия, которая занималась только собой, самоустранилась от решения «нефилософских» проблем, утрачивала актуальность. То же самое можно уверенно сказать о средневековой, ренессансной, нововременной философии. Современная философия сохранила неподдельный интерес к происходящему в окружающем мире, разделяет общее для философии, науки и религии стремление оказывать влияние на человеческие практики, в отдельных случаях ей нет альтернативы. Это позволяет сделать вывод о том, что современность в не меньшей степени, чем древность, раскрывает перед теми, кто практикует философский образ жизни и действия, возможности для широчайшего приложения философского знания к различным областям практической жизни людей.

Ключевые слова: философская практика, история философии, этика, аксиология, практическая философия, структура философии, философствование.

Цитирование. Ярославцева А. В. Философская практика в историко-культурном и эпистемологическом контексте // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 109–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.12>

Целью работы является получение предварительных ответов на немногочисленные тесно связанные между собой вопросы: предполагает ли философское знание практику – «жизнь, действительность как область применения и проверки каких-либо выводов, положений», «применение каких-либо знаний, навыков на деле» [Словарь русского языка 1999, 358] с вытекающими отсюда последствиями в виде накопленного опыта и усовершенствованных методов практического приложения философских знаний? Если да, то в чем она состоит? Это позволит хотя бы вообразить ответ на вопрос «что значит практиковать философию», «что значит быть философом-практиком», который, как представляется, важен, – как внутренняя задача движения философов-практиков, а также как предмет, затрагивающий место, статус философии в современном мире.

В работе А.А. Гусейнова «Без этики нет философии», посвященной проблеме, сформулированной журналом «Логос»: почему фило-

софы до конца Нового времени рассматривали этику (практическую философию, отвечающую на вопрос как жить и что делать) как вершину философии, а в современности все изменилось: философия не может предложить новую этику, – выдвигается несколько тезисов, относящихся к предмету нашего разговора, достойных самого пристального внимания. Поскольку одно из предлагаемых значений этики – моральный пафос философии в целом, отличный от этики как части философии; а предмет этики как части философии очерчивается, с одной стороны, как «человеческое поведение в той части, в которой оно определяется его свободным выбором», с другой, – реальность, которая этим поведением учреждается [Гусейнов 2008, 240], этика (практическая философия) оказывается близка к философской практике по смыслу. Предложенная А.А. Гусейновым формулировка вопроса, обозначающая его «другую сторону»: почему этика не может эмансипироваться от философии и «почему философия обязатель-

но должна завершаться этикой, включать в себя этику, почему она немислима без этики» [Гусейнов 2008, 240], может быть обращена на философскую практику: почему философская практика не может быть эмансипирована от философии, почему философия непременно должна завершаться философской практикой, немислима без нее.

Предположим, что философия никогда не уходила от интерпретации этики (практического смысла философии) как вершины философского знания, конечной цели философских рассуждений. Проект философской практики в явной форме возвращает философию к истокам, к историческому контексту, в котором возникла философия и ее практические приложения и смыслы, является продолжением традиции философствования в том случае, если мы станем понимать философскую практику (или практическую философию) в самом прямом и буквальном значении – как основанную на сознательном целеполагании, направленную на преобразование действительности работу философов, одним из следствий которой является социокультурный статус философии, место (положение) философии в мире. Тогда для того, чтобы узнать, в чем состояла философская практика ранее, следует обратить внимание на образ жизни и действия философов, обратиться к истокам философского знания, охарактеризовать различные исторические формы философской практики.

Истоки – это этические максимы древнегреческих мудрецов [Фрагменты... 1989, 91–94], которые отвечали на последние и поэтому самые главные философские вопросы (как жить и что делать); были сообществом людей, объединенных особым образом жизни, участниками общественного движения этико-религиозной направленности, носителями древних жреческих знаний, духовными практиками, вследствие чего обретали славу пророков и чудотворцев; оказывали помощь народу предсказаниями и мудрыми советами [Фрагменты... 1989], включая врачебные [Жмудь 1994] и подобные «по коже ясно» Ферекида, относящиеся к областям эпистемологии и медицины одновременно [Фрагменты... 1989, 84]; принимали самое активное участие в формировании нового этического стандарта, нравственных ориентиров для об-

щества; принимали участие в социальной жизни [Антология кинизма 1984], государственных делах, что способствовало накоплению морального и иного практического опыта. Этика была сердцем философского знания, а философия в целом – способом сформировать образ жизни и образ действия, поэтому именно необходимость практиковать можно считать ключевым мотивом, побуждавшим ранних греческих философов размышлять о природе (о начале всего сущего), и конечной целью размышления – ведь знание «места», в котором мы пребываем, его «устройства», позволяет сделать выводы относительно того, каким образом мы можем действовать, на какие результаты мы можем рассчитывать; в древней Греции занятие «изучение устройства мироздания» имело именно такой смысл [Гусейнов 2008, 242].

В таком случае философия действительно представляет из себя этический проект «возникает и существует в рамках идеальных устремлений человека, ...она есть не то, что изучают по несколько часов в неделю в течение одного года, а то, чем постоянно живут» [Гусейнов 2008, 242], а также духовную практику, очень близкую к религиозной.

А.А. Гусейнов отмечает, что если рассматривать философию как род моральной или духовной практики, становится понятен изначально свойственный философии плюрализм философских систем. Различные философские учения не совместимы между собой по критерию истины; если рассматривать философию просто как род познания, то это противоречивое знание. Однако, если рассматривать философские доктрины как этические учения, способы существования различающихся между собой видов индивидуально сущего, каждое пребывающее в собственной уникальной ситуации, обладающее неповторимым опытом познания и действия, бытия-в-мире – философия существует в единственно возможной для себя форме [Гусейнов 2008, 243].

Следующий аргумент: никто не говорит слов без причины и цели, включая философов [Гусейнов 2008, 244]. Что же является причиной и целью высказываний философов? Причина – недостаток познаний, отсутствие нравственных ориентиров, выражающееся в существующих социальных, культурных, научных,

экономических, политических и т.п. практиках, цель – совершенствование человека, улучшение существующих социальных, культурных, научных, экономических, политических и т.п. практик, которое невозможно без усовершенствования человека, способом осуществления которого является, в том числе, философия.

Даже лучшим зачастую хотелось сохранить нейтралитет, молчаливо согласиться, не вмешиваться в происходящее под солнцем, уйти в чистое философское созерцание [Гусейнов 2008, 245–246], однако этот проект повсеместно оказывался неудачным, философы регулярно оказывались вынужденными принимать участие в социальной жизни общества, подобно Сократу или Бозэцию; организовываться в общественные движения, вдохновлять общественные движения с целью добиться перемен, подобно киникам.

Если желание укрыться от бурь и невзгод, уклониться от решения актуальных жизненных проблем время от времени начинало преобладать, философию ждало неизбежное сворачивание актуальных философских проектов: «тенденция к духовному аристократизму, к замкнутости на саму себя явилась одной из несомненных внутренних причин конца античной философии»; философия, которая «не смогла вписать себя в широкую практику моральной жизни» общества, оказывалась обречена [Гусейнов 2008, 246].

В средние века философия укореняла христианское мировоззрение и картину мира; здесь мы также наблюдаем участников общественного движения этико-религиозной направленности (раннехристианские общины, выдвинувшие из своих рядов апологетов и отцов церкви), сообщества людей, объединенных особым образом жизни (средневековые философы – члены монашеских орденов), носителей религиозных знаний, духовных практиков (как вследствие участия в религиозной жизни и религиозных организациях, так и вследствие обретаемого в силу особой одаренности мистического опыта).

Лица, принимающие самое активное участие в формировании нового этического стандарта, включавшего в себя, в частности, идеи того, что каждое естественное существо хорошо, обладает общими с другими существами хорошими качествами [Schaefer 2009, 18];

восприятие живых организмов, водоемов, ландшафтов и т.д. как хора голосов, которые славят Бога [Schaefer 2009, 103]; представление о целостности творения, в котором все живые и неодушевленные создания действуют совместно из желания сотрудничать с Богом [Schaefer 2009, 121]; концепция родства человека со всем живым и неживым творением, которая находила выражение в практическом положительном отношении к животным и природному окружению [Schaefer 2009, 149] – все это заложило прочные философско-религиозные основания, как минимум, для образования прочных социальных связей между людьми, нравственных ориентиров для общества, а также в социальной жизни и государственных делах. Так, философы-схоласты принимали участие в упорядочивании общественной жизни, формировании новых социальных институтов путем оправдания частной собственности и торговли (учение Ф. Аквинского о «справедливой цене» и др.), войны (феномен военно-религиозных орденов и философского оправдания религиозных войн), что способствовало накоплению опыта, как минимум, в сфере ценностей, их практической значимости и воплощения.

Философия (точнее, преимущественно религиозная вера, неотъемлемой частью которой была теология) была для средневековых философов способом сформировать образ жизни и образ действия, что, в свою очередь было для них ключевым мотивом, побуждавшим к размышлениям о бытии и познании, ведь подобного рода размышления в средние века так же, как и в античности, позволяли делать выводы относительно того, каким образом мы можем действовать, на какие результаты в случае тех или иных поступков можем рассчитывать.

Ренессансное мышление, мировоззрение, философия формировались в отрицании Средневековья и возрождении античного наследия. Свойственное Ренессансу «полемическое самосознание» характеризовало «программу разрыва со старым миром с целью утвердить иные формы воспитания и общения, иное общество и иные взаимоотношения между человеком и природой» [Гарэн 1986, 34]. Основанием для рождения другой (новой) культуры и другого (научного) зна-

ния послужил, не в последнюю очередь, переворот в системе ценностей, в оценке всего сущего и отношении к нему – то есть мировоззренческие изменения.

Важнейшей движущей силой мировоззренческих изменений выступили гуманисты – преподаватели и знатоки гуманитарных дисциплин, которые были активными поклонниками древней греческой и римской литературы, поэзии, искусства, философии; собирали античные рукописи; вводили в оборот неизвестные ранее в латиноязычном мире произведения. В этом отношении социо-культурно-эпистемический проект гуманистов был подобен проекту просветителей Нового времени, содействовавших продвижению нового знания, разновидностью философской практики. Одновременно представляя новый (по сравнению со средневековьем) тип мышления и мировоззрения, согласно которому «для человека важны его способность к самовоспитанию и деятельности» [Гарэн 1986, 58], философия должна быть сосредоточена на проблемах человеческой жизни и социальности [Гарэн 1986, 45, 47, 50], открыта для иных форм знания [Гарэн 1986, 51], прагматически ориентирована: «что может быть полезнее и плодотворнее, чем склонить своими речами сограждан к свершению дел, необходимых для государства и избавляющих их от гибели?» [Полициано, цит. по: Гарэн 1986, 92]; примирена с философией природы, заниматься изучением действительности, «основаниями дел человеческих и божественных» [Гарэн 1986, 96, 99, 134]. Гуманистическая философия была практически, эмпирически ориентирована в своих самых существенных интенциях.

В сочинениях европейских философов того периода были поддержаны практически все основные идеи и цели античного пифагореизма и неоплатонизма, в частности, идея математики как истинного знания. Также обрели популярность другие античные философско-религиозные системы, положительно коррелировавшие с неоплатонизмом: герметизм, магия, иные оккультные учения. Увлечения гуманистов – философов-практиков Ренессанса – имели глубочайшие последствия для человеческого знания и культуры: возрождение пифагорейско-неоплатонических представлений о роли математики в познании привело к мате-

матизации естествознания, интерес участников гуманистического общественного движения к мистико-религиозно-философским учениям о природе (другие знания о природе, опиравшиеся на какой-либо опыт и имеющие практические цели, были недоступны), обусловил само возникновение эмпирического естествознания как важнейшей отрасли человеческого познания [Симаков 2005; Головин web].

Математика в эпоху Возрождения многими ассоциировалась с магией [Applebaum 2005, 89]. Она была поставлена на службу нумерологии [Heninger 1974, 235], связана с искусством предсказания, другими оккультными науками, а также с популярными философско-религиозными системами [Heninger 1974, 236–250]. Оккультные науки в целом рассматривались как путь постижения божества и исполнения его воли, способ трансцендирования смертной сферы и «расширения в совершенстве монады» [Heninger 1974, 235]. Неразрывность связи между религией, философией, математикой и их практической частью (мистицизмом, оккультизмом) свидетельствует о том, что занятия как естественнонаучными, так и гуманитарными дисциплинами, в том числе философией, были разновидностью духовной практики.

Важнейшие события европейского Возрождения совпадали не только по времени, но и по действующим лицам: эллинисты-гуманитарии активно участвовали в политической, религиозной жизни современного общества (занятия философией допускали и требовали социальной практики).

Важнейшей практической целью было формирование идеала «достойного человека», возвышение человеческого достоинства, чему служили многие труды гуманистов в соответствии с их представлениями о том, какими путями формируется в человеке «человечность». Гуманистическая философия предполагала экзистенциальную практику.

Философии, науке, религии в той или иной степени было свойственно стремление к истине, благу, утверждению в жизни собственного духовно-нравственного стандарта. В контексте нашего разговора важнее иное, обозначенное другими словами, общее философии, религии и науке стремление оказывать влияние на человеческие познавательные, соци-

альные, экономические, политические и другие практики.

Нововременная философия изобилует яркими примерами. По мнению Ф. Бэкона «лучше положить начало тому, что может привести к выходу, чем вечными усилиями и стараниями связывать себя с тем, что никакого выхода не имеет... мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не для того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы и могущества или тому подобных низших целей; но ради пользы для жизни и практики; и чтобы они совершали и направляли ее в любви. Ибо от стремления к могуществу пали ангелы, в любви же нет избытка, и никогда чрез нее ни ангел ни человек не был в опасности» [Бэкон 1935, 72, 85].

Жан-Жак Руссо писал: «Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного, если принимать людей такими, каковы они, а законы – такими, какими они могут быть... Меня могут спросить: разве я государь или законодатель, что пишу о политике. Будь я государь или законодатель, я не стал бы терять время на разговоры о том, что нужно делать, – я либо делал бы это, либо молчал», но «поскольку я рожден гражданином свободного Государства и членом суверена, то, как бы мало ни значил мой голос в общественных делах, права подавать его при обсуждении этих дел достаточно, чтобы обязать меня уяснить себе их сущность». Политические следствия: «одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» и далее по тексту [Руссо web].

И. Кант требовал для каждого члена общества свободы публично пользоваться своим разумом [Кант 1966, 27–35].

Вопреки тому, что утверждается в формулировке проблемы в рассматриваемой статье [Гусейнов 2008], современная философия, обретая возможность автономного от религии и существования, не перестала заниматься тем же, что и в период своего возникновения: ценностями, смыслами, практикой. Говоря о выдающихся философах-практиках, отстаива-

ющих связь философии и жизни, необходимо отметить Ф. Ницше и его сочинение «О пользе и вреде философии для жизни». Философские учения прошлого – часть исторического наследия. Учения настоящего станут таковым, но этого мало: «содержание, которое, согласно предположению, не проявляется ни в чем вонне, может при случае совершенно улечься, а между тем снаружи отсутствие его совершенно не было бы заметно, как незаметно было раньше его присутствие» [Ницше 2013, 115]. Высказывая и распространяя убеждения, можно «взрастить известную потребность, а сильная потребность когда-нибудь породит мощное дело» [Ницше 2013, 117]. Философия в качестве «ученого монолога одинокого скитальца», «случайной добычи отдельного охотника» [за истиной], «скрытой кабинетной тайны» или «неопасной болтовни между академическими старцами и детьми» пребывает в неестественном и недостойном положении. Когда «никто не осмеливается применить к самому себе закон философии, никто не решается жить как философ, обнаруживая ту простую верность мужа, которая заставляла античного мыслителя вести себя, как приличествовало стоику, где бы он ни находился и что бы ни делал, если только он однажды присягнул на верность стоической философии», философия теряет свой смысл – по крайней мере, если она хочет быть чем-то большим, нежели «ушедшим в себя пассивным знанием без воздействия на жизнь». Но она ведь хочет разговаривать, а не молчать, и действовать, вместо того, чтобы ограничиваться разговорами? Если разрешено «думать, писать, говорить, учить философски», а действовать философски запрещено, то остается ли философ философом и человеком? «Люди ли это действительно, спрашиваешь себя тогда, или, может быть, только думающие, пишущие и говорящие машины?» [Ницше 2013, 121].

У Ницше не только философия, но и истина, – предмет стремления и любви философов, – приобретает практический смысл. «По истине, никто не имеет больших прав на наше уважение, чем тот, кто хочет и может быть справедливым», кто «пытается от поверхностного сомнения подняться к строгой достоверности, от мягкой терпимости к императи-

ву «ты должен», от редкой добродетели великодушия к редчайшей добродетели справедливости», кто желает истины «не как холодного, самодовлеющего познания, а как упорядочивающего и карающего судьи... стремиться к истине не как к эгоистическому предмету обладания для отдельного лица, но как к священному праву передвигать все грани эгоистических владений» [Ницше 2013, 125–126], к истине как справедливости, то есть к тому, что находит выражение в праксисе и состоит в соответствии деяния и воздаяния за него.

«Мало кто воистину служит истине, ибо лишь немногие обладают чистою волей быть справедливыми, и из числа последних лишь совсем немногие достаточно сильны, чтобы на деле быть справедливыми... Существует масса безразличных истин; существуют проблемы, для правильного решения которых не нужно никакого усилия над собой, не говоря уже о самопожертвовании. В этой безвредной области безразличия человеку, пожалуй, и удастся иногда делаться холодным демоном познания; и все-таки, даже когда, в особенности в самые счастливые эпохи, целые когорты ученых и исследователей превращаются в таких демонов, не исключена, к сожалению, возможность, что эта эпоха будет страдать недостатком строгой и возвышенной справедливости, короче – отсутствием благороднейшей сердцевинны так называемого инстинкта истины...» [Ницше 2013, 126–127]. Поскольку для того, чтобы быть справедливым недостаточно одной воли к истине и стремления к справедливости, но необходима также «достаточная сила суждения», – чтобы «отличить фанатика от судьи и слепую страсть творить суд от сознательной уверенности в праве судить» [Ницше 2013, 126], – теоретическая философская работа незаменима, неизбежна, необходима для полной реализации самых глубинных и сущностных философских стремлений.

К. Поппер говорил о практическом смысле воли, а также направляющих волно принципов, критики и скептицизма – в том числе и даже в первую очередь философских – в плане определения возможных исходов нашего существования и насущного, актуального бытия: «Начиная с сегодняшнего дня мы сами, наша воля, наши этические убеждения, – вот что может влиять (хотя, конечно, лишь отчас-

ти) на то, что случится в будущем. Мы способны влиять на будущее, и не только посредством наших этических убеждений и верований, но и с помощью нашей готовности принять на себя ответственность, с помощью критического к себе отношения, благодаря способности учиться и разучиваться, благодаря нашему скептицизму в оценке идеологий, особенно идеологий исторического характера» [Поппер 1993, III]. Р. Рорти не только отстаивал понимание философии как разговора человечества, интеллектуальной игры, в которой нет ограничений на вход, он лично был чужд «профессиональной клановости и провинциальной замкнутости», пытался объединить философское сообщество [Юлина 1998, 5] – его жизнь соответствовала его философии.

Этику, следовательно, философию, нельзя отделить от политики, экономики и других сфер человеческого праксиса. Ярким примером является сравнительно недавно основанное новое направление прикладной этики – экологическая этика. Сейчас над воплощением в жизнь принципов экологической этики работает ЮНЕСКО, Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам, различные государственные структуры и общественные организации. Если этические принципы, выработанные в рамках одного из направлений прикладной этики, становятся основой для принятия политических решений, то что может быть практичнее хорошей философии? И может ли человечество предложить альтернативу разумной, здоровой, философской экологической этике в качестве «площадки» достижения консенсусов относительно нормативных принципов и практических решений в области взаимоотношения человека и природы? Экологическая этика призвана устранить экологические дисбалансы [Yang web], которые ставят под угрозу существование вида *Homo sapiens* в будущем и изменяют жизнь отдельных представителей к худшему в настоящем.

Заключение

Вопросы о том, как мы понимаем философию, место этики в системе философии, философскую практику взаимосвязаны, неразделимы. Современность, как и древность, – вре-

мя широчайшего приложения философского учения о ценностях к различным областям практической жизни людей. Поскольку философия оказывается чужда веяниям времени, перестает отвечать на актуальные запросы, лишь постольку она лишена процветания и возможности влияния на происходящее. Несомненные достоинства философии – взгляд на окружающую среду в очень широком контексте, наличие способов обоснования прескриптивных высказываний, способность видеть отдаленные последствия и усматривать сущность происходящего – незаменимы в любом деле.

Благодаря своей уникальности философия от момента возникновения до наших дней неразрывно связана с практикой человечества: философы участвовали в оформлении содержания религиозных учений, формировании и воплощении новых этических и эпистемических стандартов, в общественных движениях, в создании течений и жанров в искусстве, в организации коммуникации между представителями различных социальных групп. Делать это, реализовывать философские принципы в своей собственной жизни и означает быть философом-практиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология кинизма 1984 – Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1984.
- Бэкон 1935 – *Бэкон Ф.* Новый Органон. Л.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1935.
- Гарэн 1986 – *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. Избранные работы. М.: Прогресс, 1986.
- Головин web – *Головин Е.* Джон Ди и конец магического мира // <http://golovinfond.ru/content/dzhon-di-i-konec-magicheskogo-mira>.
- Гусейнов 2008 – *Гусейнов А.А.* Без этики нет философии (Ответы на вопросы журнала «Логос») // Логос. 2008. № 1 (64). С. 239–262.
- Жмудь 1994 – *Жмудь Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: ВГК, Алетейя, 1994.
- Кант 1966 – *Кант И.* Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
- Ницше 2013 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М.: Культурная революция, 2013.

- Поппер 1993 – *Поппер К.* Ницше историзма. М.: Издательская группа «Прогресс» –VIA, 1993.
- Руссо web – *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права // https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf.
- Симаков 2005 – *Симаков М.* Пифагореизм в эпоху Возрождения. М.: Самообразование, 2005.
- Словарь русского языка 1999 – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
- Фрагменты... 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
- Юлина 1998 – *Юлина Н.С.* Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Долгопрудный: Вестком, 1998.
- Applebaum 2005 – *Applebaum W.* The Scientific Revolution and the Foundations of Modern Science. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2005.
- Heninger 1974 – *Heninger S.K.* Touches of Sweet Harmony: Pythagorean Mythology and Renaissance Poetics. San Marino: Kingsport Press, 1974.
- Schaefer 2009 – *Schaefer J.* Theological foundations for environmental ethics: reconstructing patristic and medieval concepts. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2009.
- Yang web – *Yang T.* Towards an egalitarian global environmental ethics (chi) // https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000148676_chi?posInSet=6&queryId=d06dbd34-b30c-49ffa3d6-1108908bfdfe.

REFERENCES

- Anthology of Kinism, 1984. *Anthology of Kinism. Fragments of Works by Cynical Thinkers.* Moscow, Nauka Publ.
- Bacon F., 1935. *Novum Organum.* Leningrad, OGISSOCEGIZ.
- Garin E., 1986. *Italian Renaissance Problems. Selected works.* Moscow, Progress Publ.
- Golovin E. *John Dee and the End of the World of Magic.* URL: <http://golovinfond.ru/content/dzhon-di-i-konec-magicheskogo-mira> (accessed 15 May 2020).
- Gusejnov A.A., 2008. There is no Philosophy without Ethics (Answers to Questions from Logos Journal). *Logos*, no. 1 (64), pp. 239-262.
- Zhmud' L.Ya., 1994. *Science, Philosophy, and Religion in Early Pythagoreanism.* Saint Petersburg, VGK, Aletheia Publ.

- Kant I., 1966. *Collected works in 6 volumes*. Vol. 6. Moscow, Mysl' Publ.
- Nietzsche F., 2013. *Complete Works: In 13 Volumes*. Vol.1/2: *Untimely Meditations. From the heritage of 1872-1873*. Moscow, Cultural revolution.
- Popper K., 1993. *The Poverty of Historicism*. Moscow, Publishing group «Progress» – VIA.
- Rousseau J.-J. *The Social Contract, or Principles of Political Right*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf (accessed 15 May 2020).
- Simakov M., 2005. *Pythagoreanism in the Renaissance*. Moscow, Self-education.
- Dictionary of the Russian language, 1999. *Dictionary of the Russian language: In 4 vols*. Moscow, Rus. lang., Poligrafresursy, vol. 3.
- Fragments of early Greek philosophers, 1989. *Fragments of the early Greek philosophers*. Part I. *From the epic teokosmogony before the atomic theory*. Moscow, Nauka Publ.
- Yulina N.S., 1998. *Postmodern Pragmatism of Richard Rorty*. Dolgoprudny, Westcom.
- Applebaum W., 2005. *The Scientific Revolution and the Foundations of Modern Science*. Westport, Connecticut, London, Greenwood Press.
- Heninger S.K., 1974. *Touches of Sweet Harmony: Pythagorean Mythology and Renaissance Poetics*. San Marino, Kingsport Press.
- Schaefer J., 2009. *Theological foundations for environmental ethics: reconstructing patristic and medieval concepts*. Washington, D.C: Georgetown University Press.
- Yang T. *Towards an egalitarian global environmental ethics*. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000148676_chi?posInSet=6&queryId=d06dbd34-b30c-49ff-a3d6-1108908bfdfe (accessed 18 June 2020).

Information About the Author

Anna V. Yaroslavtseva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University, Prosp. Krasnyy, 52, 630091 Novosibirsk, Russian Federation, almarlis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1733-4771>

Информация об авторе

Анна Владимировна Ярославцева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный медицинский университет, просп. Красный, 52, 630091 г. Новосибирск, Российская Федерация, almarlis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1733-4771>